

Смерть — то, что приходит ко всем живым существам без разбора, конец жизни.

Мира, белокурая деревенская девочка чуть старше двенадцати лет, не была исключением.

«Фух, фух...»

Она лежала обессиленная на грубой кровати в крошечной тьме, её дыхание было затруднено. Несколько зелёных, почти похожих на плесень, пятен покрывали её худое тело.

Это была зелёная гниль — болезнь, которая сначала проявлялась в виде зелёных пятен на коже. По мере её развития сильная лихорадка и боль истощали энергию жертвы, пока её тело окончательно не сгнивало и не умирало.

Болезнь была настолько беспощадна, что вылечить её могли только самые могущественные целители, а поскольку она распространялась по воздуху, многие боялись заразиться.

— Мама... — в бреду позвала Мира на помощь.

Но никто не пришёл позаботиться о ней.

Несколькими днями ранее её мать сказала ей, что отправляется в город за помощью. Она ушла и больше не вернулась.

Миру не бросили. Её мать, преодолевая боль, довела своё измученное болезнью тело до предела в надежде найти того, кто сможет спасти её дочь, но по дороге её убили солдаты королевской семьи, чтобы предотвратить распространение болезни.

Это было Королевство Эритрон — маленькая страна с населением менее ста тысяч человек. У них не было магов, достаточно опытных, чтобы вылечить зелёную гниль, и поэтому им не оставалось ничего другого, кроме как убивать всех подозреваемых в носительстве болезни, чтобы уменьшить ужасные потери жизней.

Очевидно, простая деревенская девочка, такая как Мира, никак не могла знать всего этого. Она даже не знала, что её мать уже отправилась в загробный мир. Всё, что она знала — это то, что её продолжала мучить невыносимая боль.

— Кто-нибудь...

Ни один сельский житель не бросился к ней, когда она молила о помощи.

Зелёная гниль уже опустошила население деревни Кριο, где когда-то проживало не менее

восьмидесяти человек. Теперь не осталось никого, кто мог бы ей помочь.

Хрупкие старики первыми поддались болезни. Затем королевские военные убили местных старост, которые отправились за помощью. Молодые жители деревни, услышав об этом инциденте, бежали в леса, чтобы спастись, но умерли от голода или были атакованы хищными дикими животными или злыми монстрами, и больше их никто не видел.

Некоторые, охваченные отчаянием, покончили с собой. Родители трудились, чтобы заботиться о своих больных семьях, но вскоре и они умерли. В конце концов, остались только дети, такие как Мира, чья юношеская жизнеспособность продлевала их страдания.

К тому времени, как луна зайдёт, а солнце покажет своё лицо, большинство из них испустит последний вздох.

— Я не могу...

Мира слабо схватилась за кровать, бредя от боли и лихорадки. Та малая сила, что оставалась в её руках, исходила от страха перед надвигающейся кончиной — или, возможно, от мучительного осознания того, что она ничего не может сделать, чтобы предотвратить её.

Как раз в тот момент, когда её глаза начали закрываться в последний раз, входная дверь со скрипом отворилась.

— Мама...?

Из её глаз хлынули слёзы, и она собрала оставшиеся силы, чтобы повернуться к входу.

Но то, что она увидела там, окутанное бледным лунным светом, было не фигурой её матери, которую она ждала.

Это было даже не человеческое существо. Если бы нужно было описать это одним словом, можно было бы сказать, что там стояла сама смерть.

Закутанное в чёрную мантию, которая сливалась с ночной тьмой, только его белая голова чётко выделялась. На этом лице не было ни глаз, ни носа, ни губ, ни ушей, ни бровей, ни даже волос.

Это был белоснежный скелет. Этот безжизненный символ смерти смотрел на Миру глазами, похожими на бледно-голубое пламя, горящее в глазницах.

— Ааа...

Мира слабо вздохнула, понимая. Пришло время покинуть этот мир.

Скелет двинулся, его мантия развевалась вокруг него. Он не нёс большой косы, но выглядел точь-в-точь как жнец из рассказов, которые Мира слышала раньше. Вот почему она не испугалась, когда он подошёл к её подушке. Напротив, она радостно улыбнулась.

— Убей меня.

Она попросила о прекращении своих страданий голосом, настолько ясным, что сама удивилась.

Сбор человеческих душ и перенос их в загробную жизнь — обязанность жнеца. Наверняка он избавит её от мучений.

Но скелет в ответ на просьбу Миры покачал головой, отказываясь.

— Мне ужасно жаль, но я поклялся никогда больше не лишать человека жизни, — сообщил он ей глубоким, спокойным мужским голосом, щёлкая белыми зубами.

— ...Почему? — спросила Мира, цепляясь за жизнь.

Он не ответил. Вместо этого он просунул руку ей за спину и приподнял её в сидячее положение. Затем он достал из воздуха небольшой флакон, вынул пробку и поднёс его к губам Миры.

— Пей, — приказал он, наклоняя флакон и вливая горькую жидкость в рот Миры.

Не имея сил сопротивляться, она проглотила её. Удовлетворённо кивнув, он снова уложил её на кровать.

— Теперь с тобой всё будет хорошо. К утру лихорадка и боль пройдут.

— А?! — громко воскликнула Мира, удивлённая, что у неё ещё остались силы.

Она снова обратила внимание на своё тело и заметила медленно нарастающее тепло в животе, возможно, от жидкости, которую заставил её выпить скелет. Но это было не неприятное чувство. Напротив, оно было освежающим, словно нежное пламя очищало её от гнили зелёной болезни.

— Что это было...?

— Зелье, созданное из костного мозга дракона. Даже пятна на твоей коже исчезнут через

несколько дней.

Мира была ошеломлена. Скелет нежно погладил её по голове рукой, которая была буквально костлявой.

Внезапно её охватил сон. Но это был не вечный сон, который грозил ей несколько мгновений назад, это был нежный сон, обещавший, что она проснётся снова.

— Зачем ты спас меня?

Не успели эти слова сорваться с её губ, как она погрузилась в мир грёз.

Когда Мира была младше, она не возражала против того, чтобы лежать в постели с простудой. Хотя ей было грустно, что она не может играть на улице со всеми, и она чувствовала себя виноватой за то, что не выполняла никакой работы по дому, у неё всегда было одно утешение.

— Вот, держи лекарство.

Её мать приносила Мире в постель дымящуюся деревянную чашку.

Внутри был порошок ромашки, растворённый в горячей воде. У него был особый запах, и Мире не нравился его вкус.

— Фу, гадость. Не хочу.

— Не будь такой упрямой.

Её мать гладила Миру по голове, мягко ругая её за отказ от лечебного напитка.

— Если ты выпьешь всё до дна, я дам тебе ложку мёда.

— Правда?!

Её глаза засияли, словно по команде.

Обычно что-то настолько сладкое и драгоценное предназначалось для употребления только во время весенних и осенних праздников. Возможность насладиться хотя бы одной ложкой делала употребление отвратительного лекарства лёгким.

— Конечно! Хм, но если у тебя столько энергии, может быть, тебе не нужно ни лекарство, ни

мёд?

Мира быстро выхватила чашку у матери, которая дразнила её за то, что она забыла о своей лихорадке и так обрадовалась.

Она подула на горячую воду, чтобы остудить её, а затем, преодолевая сильную горечь, выпила всё до дна.

— Тьфу...

— Молодец, Мира.

Она сморщила лицо, и мать положила ей в рот ложку блестящего золотистого мёда, которого она так ждала.

Сладость взорвалась во рту, смывая горечь лекарства, оставшуюся на языке.

— Мммм... Хорошо, что я простудилась.

— Что этот ребёнок говорит.

Улыбаясь своей дочери, которая не скрывала своих чувств, мать потыкала Миру в лоб.

Хотя воспитание дочери в одиночку означало, что она обычно была занята, мать Миры всегда оставалась рядом, чтобы заботиться о ней, когда она болела.

Сладость мёда делала это время вместе ещё слаще.

— ...Мама.

Сон, от которого проснулась Мира, был настолько ностальгическим и нежным, что из её глаз, теперь устремлённых в потолок, который она узнала, потекли слёзы.

— Это дом старосты?

Смущённая, она встала и огляделась. В большой комнате было расставлено несколько простых кроватей из сена, на которых спали её друзья, другие деревенские дети.

— Все!

Мира в панике бросилась осматривать тела спящих детей. На их коже всё ещё были слабые зелёные пятна, но их дыхание было ровным, и они выглядели спокойными во сне.

— Слава богу...

Она вздохнула с облегчением и села. Должно быть, им всем дали ту странную жидкость — зелье — и спасли им жизнь.

— Точно, а кто был тот человек?

Тот ходячий скелет, похожий на мрачного жнеца. Если она не галлюцинировала на смертном одре, то он, несомненно, был тем, кто спас им жизнь.

— Или скелет, который спас нам жизнь?

Озадаченная, Мира задумалась. Он не был человеком. Должно быть, он нежить, один из видов монстров, о которых рассказывали деревенские старейшины.

Вскоре она узнает, что он на самом деле был невероятно опасным Королём-нежитью — нежитью с интеллектом, равным или превосходящим человеческий, обладающим достаточными магическими способностями, чтобы сравнять с землёй целую гору.

— Но мне всегда говорили бежать, если я увижу монстра, потому что они непредсказуемы и нападают на людей...

Она ни разу не слышала о монстре, который бы спасал людей.

Пока она сидела в замешательстве, другие дети начали просыпаться, возможно, разбуженные тем, что Мира разговаривала сама с собой.

— Хм, Мира?

— А? Я думала, что мне конец...

— Не больно. Что случилось?

В отличие от Миры, казалось, что другие дети были без сознания и не помнили, как скелет заставлял их пить лекарство. Все они были озадачены тем, что остались живы.

Тем не менее, при виде своих здоровых друзей из глаз Миры хлынули крупные слёзы.

— Слава богу, вы все спасены.

— Эй, эй, не плачь сейчас.

Торио, мальчик того же возраста, что и Мира, похлопал её по плечу и попытался подбодрить.

— Да, спасибо.

— Н-не за что.

Мира вытерла глаза и улыбнулась, а Торио покраснел и отвернулся.

Среди всего этого счастья одна девочка вдруг пробормотала: — А как же мама и папа?

— Уф!

Лицо Миры омрачилось, и она замолчала. Скорее всего, кроме девяти детей в этой комнате, в живых никого не осталось.

Это означало, что родители девочки, а также родители, братья и сёстры других детей и даже мать Миры погибли.

Но правда была слишком ужасна, чтобы признать её. Не в силах уклониться от вопроса, она просто сидела, безмолвно открывая и закрывая рот. В этот момент дверь внезапно открылась, и появился скелет в чёрной мантии.

— Ой!

— М-монстр?!

Другие дети закричали и побежали в дальние углы комнаты. Очевидно, они не видели его раньше.

— Эм...

Растерянная Мира не могла вымолвить ни слова. Она хотела заступиться за того, кто спас им жизнь, но не думала, что другие дети ей поверят.

И всё же она не могла просто так оставить всё как есть.

— Все, всё в порядке. Успокойтесь, — сказала она неуверенно, не веря, что это сработает. Как раз в тот момент, когда она начала говорить, её живот издал милый урчащий звук.

— Ах...

Теперь, когда она задумалась об этом, она провела последние несколько дней в постели, и некому было о ней позаботиться. Кроме воды и мёда, которые мать оставила рядом с её подушкой, ей нечего было ни есть, ни пить всё это время.

Она снова посмотрела на своё тело и увидела, что она худая как скелет. Если бы зелье, которое заставил её выпить скелет, не подействовало, она, вероятно, сейчас даже не смогла бы говорить.

— Я голодна...

Другие дети сели, звук урчания живота Миры напомнил им всем об их собственном голоде.

Скелет молча наблюдал за ними, но теперь он улыбнулся, щёлкнув белыми зубами.

— Ваш голод — доказательство того, что вы всё ещё живы. Хорошо, я приготовил вам кашу. Пожалуйста, идите все сюда.

Он махнул рукой, призывая детей следовать за ним.

«...»

Все дети молчали, смущённые ужасающим обликом жнеца, который не вязался с его неожиданной добротой и вежливостью.

Из всех них Мира первой поддалась запаху каши, доносившемуся из коридора. Не успела она опомниться, как сглотнула слюну и встала, чтобы последовать за ним.

— Эй, осторожно!

— Всё в порядке.

Торио схватил Миру за руку, пытаясь остановить её, но она спокойно улыбнулась в ответ.

— Этот... э-э, хороший человек (?) мог бы уже убить нас, если бы захотел.

Казалось, взгляд в бездну смерти наделил её странной храбростью.

Судя по низкому голосу скелета, она была уверена, что он мужчина, но понятия не имела, сколько ему лет, и поэтому не знала, как к нему обратиться. Уверая, что это безопасно, она потянула Торио за руку.

Она повернулась к скелету.

— Ты не убьёшь нас, правда? — спросила она.

На это скелет распахнул переднюю часть своей мантии, чтобы показать свой пустой живот, и рассмеялся. — У меня нет привычки откармливать детей, чтобы потом их съесть. Не беспокойтесь.

— Хи-хи.

Мира вытерла слезу, хихикая, вспоминая, как её мать рассказывала похожие сказки. Она помахала другим детям, которые застыли в нерешительности.

— Пойдёмте. Было бы глупо умереть от голода после того, как нас спасли.

На самом деле, это было бы непростительно, учитывая всех жителей деревни, которым не так повезло.

Мира решительно вышла в коридор вместе со скелетом. Не в силах побороть свой аппетит, остальные дети нерешительно последовали за ними.

Скелет провёл детей в гостиную. Их деревня была настолько мала, что в ней не было гостиной. Вместо этого они использовали эту комнату как жильё для любых посетителей, которые могли у них появиться. По этой причине гостиная старосты была больше, чем в любом другом доме, и была обставлена большим столом.

Теперь на нём стояли миски с аппетитной дымящейся кашей, как раз по количеству детей.

— Ура!

— Прошу прощения, но поскольку у меня нет языка, я не могу гарантировать, что она придётся вам по вкусу.

Скелет показал им свой пустой рот, но голодные дети не слушали.

Их прежние подозрения полностью исчезли перед лицом непреодолимого голода. Все они потянулись к тарелкам с кашей, стоявшим перед ними.

— Ой, ой, горячо!

— Не нужно торопиться. Ещё много осталось.

Он улыбался, наблюдая, как дети уплетают еду. Голубое пламя, составлявшее его глаза, сузилось в улыбке, и он принёс горшок с добавкой.

Мира искоса посмотрела на него, отправляя ложку каши в рот.

— ...Вкусно.

Возможно, нет приправы вкуснее, чем пустой живот. Каша была пресной, не более чем пшеница, сваренная в воде, но в тот момент она была вкуснее свежее испечённого хлеба или жареной курицы. Не успела она опомниться, как заплакала.

После того как дети съели по несколько порций, скелет решил, что их желудки, скорее всего, почувствовали себя лучше. Он медленно заговорил.

— Что ж, полагаю, мне следует начать со знакомства. Меня зовут... Хм, как же меня зовут?

— А?

Скелет в замешательстве наклонил голову, и Мира в точности повторила его движение.

Ей показалось, что он, возможно, шутит, чтобы они чувствовали себя спокойнее, но она также почувствовала какую-то серьёзность, словно его так давно не называли по имени, что он честно его забыл. Она не могла задать ему бестактный вопрос.

Вместо Миры и других детей тишину первой нарушил женский голос.

— О боже, должно быть, это очень неприятно — терять рассудок с возрастом.

— Кто это?!

Дети подпрыгнули и огляделись, когда на стол запрыгнула чёрная тень.

У неё была блестящая чёрная шерсть и золотые глаза, похожие на луны...

— Эта кошка что, разговаривает? — спросила Мира.

— Если скелет может говорить, то, конечно, и кошка может, — ответила чёрная кошка, которая внезапно появилась, когда Мира удивлённо моргнула. Кошка свернулась калачиком на столе.

Несмотря на то, что до этого он ни разу не терял своего мягкого поведения, скелет, увидев кошку, фыркнул на неё.

— Не тебе ли беспокоиться о слабоумии?

— Ты видишь это молодое и живое тело или твои глаза сгнили? Ой, прости. У тебя даже глаз не осталось, чтобы сгнить.

Пока скелет всё ещё говорил вежливо, он и кошка смотрели друг на друга, и между ними летели искры.

Мира поняла, что другие дети испугались их обоих, поэтому она нерешительно окликнула их.

— Эм-м-м...

— Прошу прощения. Не обращайтесь на неё внимания.

— Он прав — я просто наблюдатель. Не обращайтесь на меня внимания.

— Ага...

Она не могла понять, в хороших ли они отношениях или нет, поэтому могла только неопределённо отвечать странному скелету и кошке.

Пока она это делала, скелет вернулся к первоначальной теме разговора.

— Насчёт моего имени... Давайте пока остановимся на имени Териос.

Насколько им было известно, это могло быть вымышленное имя, которое он придумал на месте, но он не дал им времени усомниться в этом. Вместо этого скелет, теперь Териос, продолжил свою речь.

— Люди каждый день умирают от голода и войн.

Мира и другие дети чуть не оказались среди них. В этом мире смерть была так же близка, как сосед по дому.

— Однако я не могу с этим смириться. Я хочу создать мирный мир, где люди не будут погибать раньше времени, где их не будут убивать в битвах.

Это было похоже на какую-то злую шутку: этот скелет, вылитый жнец, сам символ смерти, желает мира, где никто не умирает преждевременно.

Но Териос был серьёзен, продолжая своё заявление перед детьми.

— Я непременно создам мирный мир, который продлится тысячелетие. Поэтому я хотел бы, чтобы вы все чувствовали себя спокойно, — сказал он, улыбаясь, щёлкая зубами.

Однако мечта, о которой он говорил, была слишком грандиозной для Мира и других детей, чтобы они могли её осознать. Всё, что они могли сделать, — это сидеть в оцепенении с открытыми ртами.

— Мир, который продлится тысячу лет...

Хотя они не были богаты, их жизнь была спокойной и безмятежной. Но деревенская жизнь, которая, как им казалось, будет длиться вечно, быстро рухнула перед лицом болезни.

Мире повезло; её жизнь была спасена. Но даже если бы она вернулась к своей прежней жизни, её преследовали бы страх и неуверенность, боязнь того, что всё может рухнуть без предупреждения.

Вот почему видение Териоса о почти вечном мире звучало так удивительно.

— Как чудесно, — пробормотала Мира.

— Да, это действительно был бы чудесный мир, — добавила она, не в силах сдержать свои чувства.

Териос улыбнулся в ответ, щёлкая челюстью, когда слова сорвались с губ Мира.

Этот момент она запомнит до конца своих дней — момент, когда её судьба пересеклась с судьбой Короля-нежити.